

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ М. И.

СКАНДИНАВСКОЕ ПЕРЕДВИЖЕНИЕ СОГЛАСНЫХ

1. Постановка вопроса

У скандинавского передвижения согласных есть большое преимущество перед общегерманским: исходное состояние для него менее гипотетично, чем для общегерманского передвижения, поскольку это состояние предствлено в письменных памятниках, а конечное состояние для него — это современное состояние (как принято считать, в Скандинавии, и прежде всего — в Дании, и сейчас происходит передвижение смычных), а современное состояние скандинавских смычных, конечно, известно во всех фонетических подробностях.

Поэтому исследование скандинавского передвижения согласных целесообразно начать с описания современного состояния рефлексов праскандинавских *tenues* и *mediae*, т. е. с описания современных скандинавских смычных и тех согласных — аффрикат, щелевых, полугласных и т. д., — которые пришли на смену смычным, если такая смена произошла. Очевидно, однако, что нельзя ограничиться только теми случаями, когда такая смена произошла, т. е. передвижение согласных могло заключаться не только в превращении смычных в аффрикаты, щелевые, полугласные и т. д. но также и в изменении смычных, которые при этом оставались смычными. Очевидно также, что нельзя ограничиться только теми случаями, когда одна фонема сменила другую и когда поэтому изменение нашло отражение в орфографии. Фронтальное изменение ряда фонем, конечно, отнюдь не обязательно было фонемным изменением. Именно фронтальность изменения заставляет предполагать, что оно было прежде всего изменением в реализации фонем, т. е. их аллофонным изменением, и, следовательно, могло не находить никакого отражения в орфографии. Вместе с тем, поскольку передвижение согласных — это фронтальное изменение коррелирующих рядов фонем, описывая состояние современных рефлексов праскандинавских *tenues* и *mediae*, целесообразно сосредоточиться на том, что различает соответствующие коррелирующие ряды фонем, и отвлечься от того, что характерно только для отдельных фонем в отдельных положениях.

В современных скандинавских, как и в других германских языках, смычные всегда образуют симметричную систему, состоящую по меньшей мере из двух коррелирующих рядов, так называемых *tenues* и *mediae*. Судя по фонетическим описаниям, признаки, по которым эти ряды коррелируют, варьируют на территории Скандинавии. Вместе с тем известно, что на территории Скандинавии диалекты образуют один сплошной континуум, т. е.; что переходы от диалекта к диалекту постепенны и сколько-нибудь резкие диалектные границы отсутствуют. Поэтому есть основания полагать, что постепенность перехода от диалекта к диалекту имеет место и в отношении признаков, по которым коррелируют скандинавские *tenues* и *mediae*, хотя в фонетических описаниях эта постепенность далеко не всегда фиксирована. Есть основания полагать также, что аналогичная постепенность имела место при переходе от одной стадии языкового развития к другой, т. е. что различия между скандинавскими диалектами отра-

жают различия между стадиями языкового развития. Все это заставляет заключить, что для исследования скандинавского передвижения согласных важнейшим материалом должно послужить возможно более подробное описание различия между скандинавскими диалектами в отношении тех признаков, по которым в них коррелируют *tenues* и *mediae*. При этом должны быть учтены все составные элементы различия между коррелирующими рядами, такие, как звонкость, полувзвонкость или глухость, сильная, средняя или слабая придыхательность, сила или слабость. Если различие между коррелирующими рядами представляет собой сочетание из нескольких таких элементов, то это различие и должно быть описано как сочетание разных элементов, а не как нечто единое. Кроме того, должно быть учтено и то, что различие между коррелирующими рядами может быть (вернее — обычно бывает) разным в разных положениях. Для характеристики различия коррелирующих рядов важно не только положение максимального различия (которое в скандинавских, как и в других германских языках, имеет место, как правило, в начале ударного слога), но и положение нейтрализации: в скандинавских (как и в других германских) языках именно это положение обычно оказывается ареной наиболее заметных изменений.

В фонологических описаниях смычных одного отдельного языка или диалекта обычно принимается за доказанное, что только одна из составных частей различия двух коррелирующих рядов смычных, например, только сила, или только придыхательность, или только глухость, «релевантна» для корреляции, т. е. якобы представляет собой один из тех дискретных элементов (как называемых «различительных признаков»), на которые без остатка разлагается фонема, тогда как остальные части различия коррелирующих рядов «иррелевантны», «избыточны», т. е. не входят в тот «пучок различительных признаков», который якобы представляет собой фонема, и могут поэтому игнорироваться в фонологическом описании. Единый различительный признак, к которому таким образом сводится различие между коррелирующими рядами смычных, оказывается поэтому в сущности таким же условным наименованием действительного различия между рядами, как названия *tenues* и *mediae*. Однако преимущество этих последних в том, что они не претендуют на выражение реального различия, между тем как единый различительный признак, признаваемый за элемент «пучка», выдается за исчерпывающее выражение этого различия.

Преимуществом представителей послегриммовской науки перед Гриммом обычно считается то, что они понимали различие между буквой и звуком и не принимали такие условные обозначения букв, как *media*, *tenuis* или *aspirata*, за выражение фонетической реальности обозначаемых этими буквами звуков. Однако, когда современные фонологи определяют различительные признаки фонем, исходя из соображений удобства и простоты описания и пренебрегая фонетической реальностью, то они в сущности оперируют с не менее условно названными единицами, чем гриммовские *tenuis*, *media* и *aspirata*, и тем самым возвращаются к дофонетической, или «буквенной», точке зрения.

Преимущество Гримма перед современной наукой в том, что он основывался на всей совокупности известного в его время науке, тогда как современные фонологи, рассматривающие фонему как пучок различительных признаков (и в еще большей мере это относится к сборникам порождающей фонологии), в ряде случаев бывают вынуждены в интересах так называемой «простоты описания» сознательно закрывать глаза на факты, установленные фонетикой. В свое время «буквенная» точка зрения основывалась на достижениях науки. В наше время эта точка зрения основывается на игнорировании достижений науки.

Выделение одной из составных частей различия коррелирующих рядов смычных как элемента пучка различительных признаков, якобы образующих фонему, мотивируется иногда теми или иными фонетическими факта-

ми, долженствующими свидетельствовать о большей важности данной составной части различия по сравнению с другими (например, силы по сравнению с глухостью или придыхательности по сравнению с силой и т. д.). Однако даже если удастся доказать, что одна из составных частей различия в каком-то отношении или в каком-то положении действительно важнее других (а это, конечно, обычно можно доказать), всегда остается недоказанной постулируемая модель фонемы, т. е. то, что только одна эта более важная составная часть различия коррелирующих рядов входит в фонему (как дискретный элемент «пучка»), тогда как остальные не входят в нее и должны вообще игнорироваться в ее описании. Поэтому выведение единого различительного признака из фонетических реализаций коррелирующих фонем фактически сводится к рассуждениям, долженствующим оправдать игнорирование этих реализаций.

Чаще, однако, выделение одной из составных частей различия коррелирующих рядов в качестве элементарного различительного признака мотивируется просто необходимостью «наибольшей простоты описания» (ср. [1]). Такая аргументация в сущности последовательнее и логичнее: ведь в основе аргументации тех исследователей, которые выделяют одну из составных частей различия в качестве элементарного различительного признака, ссылаясь на те или иные фонетические факты, в конечном счете лежат не эти факты, а постулат, согласно которому фонема — это пучок различительных признаков, т. е. обладает структурой, обеспечивающей максимальную простоту ее описания.

Развивая постулат, согласно которому фонема — это пучок различительных признаков, вполне логично постулировать ограниченность инвентаря различительных признаков, к которым могут быть сведены все различия между фонемами в любом языке. Такой инвентарь обеспечивает максимальную простоту описания, поскольку сводит все многообразие фонетических реализаций фонем в различных языках к очень небольшому количеству дискретных единиц (различительных признаков), одинаковых для всех языков мира. Так, Якобсон, Фант и Халле постулируют в своей известной работе 12 пар таких единиц [2].

По-видимому, однако, пучковая модель фонемы в какой-то мере оправдывает себя только при синхронном описании отдельного языка или диалекта. Как только возникает необходимость сопоставить близкородственные языки или диалекты или последовательные стадии развития одного языка, модель эта оказывается абсурдной, и это уже было замечено некоторыми проницательными историками языка и диалектологами. «Как может модель, которая использует дискретные элементы (различительные признаки), быть применена к тому, что явно представляет собой континуум?» — справедливо спрашивает Моултон [3, р. 153]. «В силу нашего невежества, — продолжает он дальше, — мы можем легко допустить, не боясь противоречия, что новые различительные признаки вводятся внезапно. В диалектографии, однако, где у нас намного лучшие данные, такое допущение было бы совершенно нереалистическим» [3, р. 154].

Если, например, описать коррелирующие ряды смычных в различных скандинавских языках и диалектах и на различных этапах их развития, используя якобсоновский инвентарь двоичных различительных признаков, то окажется, что во всех этих языках и диалектах и на всех этапах их развития эти ряды коррелировали как «напряженные» и «ненапряженные». Но если цель описания — выявить различие между языками и диалектами и различными этапами их развития, то абсурдно, конечно, использовать модель, согласно которой этого различия не существует ¹.

¹ Более развернутую критику пучковой модели фонемы см. [4].

2. Современный материал

Единственное, что в области смычных характерно для всего скандинавского ареала, — это нейтрализация *tenuis* и *mediae* после /s/. В этом положении смычный всегда непридыхательный и глухой, но то ли сильный, то ли слабый. По-видимому, эта нейтрализация характерна и для всех других германских языков.

Почти для всего скандинавского ареала характерно, во-первых, что различие между *tenuis* и *mediae* в начале ударного слога не такое, как в других положениях (если, однако, это различие не нейтрализуется, как, например, в исландском «мягком» произношении, всюду, кроме начала ударного слога), и, во-вторых, что *tenuis* всегда отличается от *mediae* не каким-то одним свойством, а их сочетанием, например, отсутствием голоса и придыханием и т. п. Единственное исключение — финляндско-шведский и эстонско-шведский. В них совсем нет придыхания [5, s. 15; 6, s. 46; 7, s. 82; 8, s. 176; 9, s. 48]. Следовательно, различие между *tenuis* и *mediae* в них одинаково во всех положениях, и это различие — только наличие и отсутствие голоса. По-видимому, нет придыхания у *tenuis* и на Борнхольме [10, s. 342]. Но там они контрастируют с *mediae* только в начале ударного слога.

На большей части скандинавского ареала (почти вся Швеция и большая часть Норвегии) в начале ударного слога *tenuis* сильные, придыхательные и глухие, а *mediae* слабые, непридыхательные и звонкие или скорее полувзвонкие, тогда как в начале безударного слога *tenuis* сильные, глухие, иногда слабо придыхательные, а *mediae* слабые и звонкие². При этом, как правило, в начале безударного слога и *tenuis*, и *mediae* могут быть долгими, но их долгота — свойство слога, а не отдельной фонемы, поскольку долгие смычные встречаются только после кратких гласных, а краткие — только после долгих гласных.

Есть, однако, и в Швеции, и в Норвегии области, где различие между *tenuis* и *mediae* нейтрализуется не только после /s/, но и после гласного, который в этом случае обычно долгий, причем нейтрализация происходит в пользу *mediae*.

В Швеции область такой нейтрализации — крайний юг и юго-запад (Сконе, западная часть Блекинге, юго-западная часть Смоланда, Халланд и Бохуслен [6, s. 19]). В этой области после гласного возможны только *mediae*, и в этом положении они звонкие, непридыхательные и слабые³. Случаи такой нейтрализации после гласного наблюдаются и в некоторых других шведских диалектах [22, s. 47; 8, s. 186; 23; 24, s. 71]. Но, по-видимому, в Швеции этой нейтрализации *tenuis* и *mediae* после гласного не сопутствуют реализации *tenuis* в начале ударного слога, отличные от обычных для шведских диалектов. Впрочем, в описаниях шведских диалектов, как правило, вообще ничего не говорится о реализациях *tenuis* в начале ударного слога, т. е. степени их придыхательности. По-видимому, различия между отдельными диалектами в этом отношении трудно поддаются определению. Лунделль в своем описании шведских диалектов говорит, например, что он не обозначает придыхания у смычных, потому что не может решить, в каких диалектах представлены «настоящие» *tenuis* (т. е. глухие сильные, но непридыхательные), а также в каких придыхательные [13, s. 28].

В Норвегии есть тоже области, где в положении после гласного различие между *tenuis* и *mediae* нейтрализовано в пользу *mediae*. Это, во-первых, так называемая «слабая береговая полоса» (*den bløte kyst-stripe*),

² О шведских смычных см. [5, s. 15; 7, s. 56—58 и 82; 11; 12; 13, s. 81—82]. О норвежских смычных см. [14—18; 19, s. 67; 20].

³ См., например, [21], где говорится: «В большинстве шведских диалектов, также и в южношведских, *p*, *t*, *k* определяются как глухие придыхательные смычные, а *b*, *d*, *g* — как звонкие непридыхательные».

которая начинается сразу к востоку от Арендала и, расширяясь к западу, кончается немного к северу от Ставангера, а, во-вторых, некоторые районы в фюльках Сёр-Трёнделаг, Нур-Трёнделаг и Нурлани. В «слабой береговой полосе» в положении после гласного *mediae* обычно определяются как звонкие, но оговаривается, что кое-где они глухие слабые⁴. По-видимому, они глухие слабые в западной части «слабой береговой полосы», в «слабых» районах Трёнделага и Нурлани, а также в диалекте Эверкаликса в Северной Швеции⁵. В западной части «слабой береговой полосы» и в начале ударного слога *mediae*, по-видимому, глухие слабые. Как следует из описания диалекта Естал (*Gjestal*), местности на западе этой полосы, там долгий *tenuis* (после краткого гласного) преаспирируется, а сонорный перед последующим *tenuis* оглушается⁶. В результате экспериментального исследования смычных в Ставангере Сельмер пришел к выводу, что *mediae* там в начале ударного слога и в конце слова полуглухие, а внутри слова — полузвонкие [33]. Вместе с тем, *tenuis* в этом районе, по-видимому, более сильно придыхательные, чем в остальной Норвегии⁷.

Таким образом, общая закономерность очевидна: где есть нейтрализация различия *tenuis* и *mediae* после гласного в пользу *mediae*, там в различии *tenuis* и *mediae* голос играет меньшую роль, чем придыхание. Впрочем, из этой закономерности есть исключения. Так, на юге Швеции *mediae* звонкие, но там есть нейтрализация *tenuis* и *mediae* в пользу *mediae* после гласного, и, наоборот, на севере Исландии нет этой нейтрализации, но *mediae* там глухие.

В исландском языке в начале ударного слога *tenuis* — придыхательные, глухие и сильные, а *mediae* — непридыхательные, глухие и слабые⁸. В других положениях встречаются только *mediae*, и они в этом случае всегда непридыхательные, глухие и обычно слабые. Например, *tapa/ta : ba/*, *afli/abli/*, *kalla/kadla/*, *seinna/seidna/*. Все исландские смычные — глухие в большей или меньшей мере. Но, согласно экспериментальным данным, они могут частично озвончаться, особенно непридыхательные в звонком окружении [46, 47]. После краткого гласного в исландском встречаются также долгие непридыхательные и преаспирированные непридыхательные, например, в *slabba/slab:a/*, *kappi/kahbi/*. Таковы смычные в так называемом «мягком» произношении (*linmæli*), т. е. на юге и западе Исландии, включая Рейкьявик. В так называемом «твердом» произношении (*harðmæli*), т. е. на севере и востоке страны, *tenuis* возможны не только в начале ударного слога: после долгого гласного в «твердом» произношении всегда *tenuis* (например, *tapa/ta:pa/*), а после сонорного возможен как *media*, так и *tenuis* (например, *henta/henta/*, но *henda/henda/*). Характер-

⁴ Так, в работе Кристиансен [25] оговаривается, что поствокальные глухие *b, d, g* слышны в Далане и еще кое-где на окраинах «мягкой береговой полосы»; всего подробнее о распространении поствокальных полузвонких смычных говорится в работе Росса [26]. Ср. также работы Ларсена [27, 28]. Ларсен говорит, что кое-где, в частности — в Далане, в данном положении слышно «нечто среднее между *b* и *p* и т. д.». Стомр [29, s. 76, 85] указывает, что нечто среднее между *b* и *p* и т. д. слышно в районах, переходных между областями «твердых» и «мягких» смычных.

⁵ Подробное описание поствокальных глухих слабых в норвежских диалектах есть в [24]. Ср. также [29, p. 60, 177; 30; 31]. По словам Кристиансен, и в диалекте Вейфн, и в диалекте Сельбу глухой слабый может варьировать со звонкой геминатой.

⁶ См. об этом [32]. Преаспирация встречается также еще кое-где в норвежских и шведских диалектах, а также в шведском литературном языке. О преаспирации в норвежских диалектах см. также [29, p. 61, 179].

⁷ Ср. об этом [34], где говорится: «В южнонорвежском и южношведском мягких районах образовалась сравнительно большая разница между короткими *k, t, p* в начале слова и после гласного, поскольку эти звуки в начале слова получили средней силы ударение со средней силы придыханием (сильнее, однако, в части южной Норвегии, особенно в Вест-Агдере и Далане, где придыхание по силе почти такое же, как в датском), тогда как эти звуки после гласного остались при слабом ударении и без придыхания»; ср. также [35; 36, s. 45; 33, s. 57].

⁸ Фонетическое описание исландских смычных см. [37—40]. Фонологическое истолкование исландских смычных см. [41—45].

но, что в полосе, пограничной между областями «мягкого» и «твердого» произношения, в положении после долгого гласного встречаются непридыхательные сильные; т. е. нечто промежуточное между придыхательным сильным «твердого» произношения и непридыхательным слабым «мягкого» произношения⁹.

Фарерские смычные, по-видимому, чрезвычайно близки к исландским и скорее к исландским смычным в «мягком» произношении [49, s. XIII — XXVI; 50; 51]. Фарерскому языку очень повезло на строго структуральные (точнее — дистрибутивистские) описания его звукового строя [52—55]. В этих описаниях фонетические реализации фонем, как правило, полностью игнорируются. Между тем обстоятельных фонетических описаний смычных в фарерском языке и его диалектах нет. Поэтому не представляется возможным уточнить, чем фарерские смычные отличаются от исландских. По-видимому, однако, в области смычных есть различия и между отдельными фарерскими диалектами [49, s. XVII].

На Шетлендских (как, по-видимому, и на Оркнейских) островах, когда скандинавский диалект еще не был вытеснен там английским, тоже имела место нейтрализация *tenues* и *mediae* после гласных в пользу *mediae* [56]. Но поскольку это следует только из написаний *b, d, g* вместо *p, t, k* в соответствующих положениях, фонетическая природа смычных там неясна.

Датские смычные всего сильнее отличаются от смычных, распространенных на большей части Скандинавского полуострова, т. е. от обычных шведских и норвежских смычных. В датском языке в начале ударного слога и *tenues*, и *mediae* глухие и слабые, но *tenues* еще и сильно придыхательные (в случае переднеязычного это даже скорее аффриката [ts]), тогда как *mediae* непридыхательные [57; 58, p. 137; 59; 60, s. 341—344; 61; 62, p. 195—199]. Но такое противопоставление *tenues* и *mediae* имеет место только в начале ударного слога. В середине слова в большинстве положений возможны только непридыхательные смычные, в конце слова придыхательные и непридыхательные смычные свободно варьируют, и только в словах иностранного происхождения типа *Ota, Oda, Inka, Inga* и т. п. перед гласными полного образования (т. е. не [ə]) возможно, но не обязательно, противопоставление придыхательного (но не сильно придыхательного) и непридыхательного. Вместе с тем неоднократно указывалось, что в середине слова непридыхательные смычные [d] и [g] — это в сущности реализации соответствующих *tenues*, а щелевые [ð] и [ɣ], т. е. рефлексы праскандинавских *tenues*, — это реализации соответствующих *mediae* [58, p. 43; 62, p. 205—207; 63]. Таким образом, в датском языке в различении *tenues* и *mediae* играют роль придыхание, смычка и аффрицированность, но, поскольку они все глухие и слабые, не играют роли ни голос, ни сила. Долгота тоже совершенно не используется в датских смычных для их различения.

Характерно, что в датском языке в ряде случаев смычное произношение *mediae* как бы не ограничено от их щелевого произношения [60, s. 343—344; 62, p. 205—206]. Смычный и гоморганный щелевой в некоторых случаях выступают в датском языке как факультативные аллофоны одной фонемы. В небрежной датской разговорной речи возможно щелевое произношение /b/ и /g/ в середине слова, например, в словах *kåbe, takke, lægge* [60, s. 343]. Щелевое произношение *mediae* наблюдается диалектально и в начале ударного слога. Так, на северо-востоке Ютландии есть тенденция к щелевому произношению начального /d/ [60, s. 343]. Но что касается реализации поствокальных *mediae*, то оно вообще очень разнообразно в датских диалектах [22, 64]. Поствокальным [ɸ], [ð], [ɣ] датского литературного языка соответствуют в разных условиях [v b], [ð d], [g j] в борнхольмском; [w], [ð —], [w j —] в зеландском; [w], [—],

⁹ Бёдварссон [38, bls. 60—61] суммирует данные монографии Гвюдфинссона, посвященной в основном распространению «твердого» и «мягкого» произношения в Исландии [48].

[— w j] в фюнском; [v f b], [ð r j γ], [γχ] в ютландском (γ — звонкий заднеязычный щелевой, χ — соответствующий глухой, а тире — полное исчезновение звука). Между тем в начале ударного слога *tenues* и *mediae* в датских диалектах такие же, как в литературном датском языке, т. е. соответственно сильно придыхательные, глухие и слабые, и непридыхательные, глухие и слабые (за исключением борнхольмского, где *mediae* звонкие, как на юге Швеции).

3. Материал письменности прошлого

Данные о прошлом скандинавских *tenues* и *mediae* — это всегда данные только о соответствующих буквах. Однако эти буквенные данные позволяют в некоторых случаях сделать те или иные предположения о реализации соответствующих фонем.

Древнейшие из данных о скандинавских *tenues* и *mediae* [содержат скандинавские надписи старшими рунами. В старшем руническом алфавите были обозначения как для трех *tenues*, т. е. руны *p*, *t*, *k*, так и для трех *mediae*, т. е. руны *b*, *d*, *g*. То обстоятельство, что в этом алфавите были также обозначения для глухих щелевых, т. е. руны *f*, *þ*, *h*, но не было рун для обозначения звонких щелевых, позволяет заключить, что, вероятно, *mediae* имели с самого возникновения рунического письма не только смычную, но и щелевую реализацию. Щелевая реализация *mediae* в поствокальном положении подтверждается написаниями *gaf* и *bariutiþ* в надписи из Стентовген, датируемой серединой VII в. Эти написания свидетельствуют о появлении глухих щелевых на месте *mediae* в результате оглушения конечных *mediae* (явления, которое датируется V—VII вв. [65, p. 9—10; 66, S. 168]), т. е. о том, что поствокальные *mediae* были первоначально звонкими щелевыми. Щелевая реализация поствокальных *mediae* в праскандинавском подтверждается и сравнительными данными [65, p. 1—42]. Между тем нет абсолютно никаких данных, позволяющих предполагать щелевую реализацию скандинавских *mediae* в других положениях. Тем не менее, однако, некоторые ученые до сих пор полагают, по-видимому, что руны *b*, *d*, *g* первоначально во всех положениях обозначали звонкие щелевые¹⁰.

Неясно, что обозначает появление рун *p*, *t*, *k* вместо ожидаемых *b*, *d*, *g* или наоборот, в некоторых поздних надписях старшими рунами (*fokl*, *lat*, *ward*, *kaiba* в надписи из Эггья и *-sba* в надписи из Бьёркеторпа). Возможно, что эти случаи — начало того неразличения на письме *tenues* и *mediae*, которое характерно для младших рун.

В младшем руническом алфавите для обозначения смычных были только руны *b*, *t*, *k*, и эти руны, как обычно предполагается, обозначали и *tenues*, и соответствующие *mediae*. О причинах такого положения высказывались различные догадки. Трнка высказал такое предположение: стало невозможно обозначать одной руной (т. е. рунами *b*, *d*, *g*) звонкие смычные и звонкие щелевые, поскольку звонкие щелевые стали аллофонами щелевых фонем, и р а з н ы м и рунами (т. е. рунами *b* и *f* и т. д.) звонкие и глухие щелевые, поскольку различие между ними перестало быть фонематичным, и это привело к полному отказу от обозначения различия по звонкости и в щелевых, и в смычных [68]. Хауген пытался связать неразличение *tenues* и *mediae* в младшем футарке с сокращением числа гласных фонем в безударном слоге, вызванном редукцией безударных гласных [69]. Однако ни Трнка, ни Хауген не ставили под сомнение того, что *tenues* и *mediae*, которые не различались в младшем футарке, в действительности различались как глухие и звонкие смычные. Между тем Кристиансен высказала предположение, что неразличение *tenues* и *mediae* в младшем футарке объясняется тем, что этот алфавит возник в языковой

¹⁰ Ср., например, [67]. В прошлом многие полагали, что германские *mediae* были звонкими щелевыми (см. [65, p. 1]).

среде, где *mediae* были глухими слабыми и поэтому плохо отличались от *tenues* [24, с. 17, 85]. Развивая мысль, высказанную Марстрандером в одной из его лекций, Кристиансен высказала предположение, что эти глухие слабые были результатом незавершенного перехода *mediae* в *tenues* по германскому передвижению согласных [24, с. 82—83, 87—88]. Однако такие назавершенные *tenues* должны были появиться на месте германских *tenues* (поскольку по германскому передвижению *mediae* переходили в *tenues*). Между тем в скандинавских языках и диалектах глухие слабые, если они в начале ударного слога, то они — германские *mediae*. Если же они после гласного, то они результат так называемого «ослабления» *tenues*, т. е. сравнительно позднего явления, о котором будет речь ниже. Кроме того, невероятно само по себе предположение, что, будучи глухими слабыми, *mediae* мало отличались от *tenues*. В тех языках, где *mediae* глухие, говорящие вовсе не хуже отличают их от *tenues*, чем в тех языках, где *mediae* звонкие. Ведь если *mediae* глухие, то они вообще отличаются от *tenues* не голосом, а отсутствием придыхания или слабостью. Объяснение Трки до сих пор остается наиболее правдоподобным.

«Ослаблением» смычных принято называть то явление, которое известно по буквенному переходу $p > b, t > d, k > g$ в поствокальном положении [70; 22, с. 76—78; 71, с. 228—231]. Очагом этого явления явно были датские острова — Зеландия и Фюн. Древнейшие его случаи встречаются в надписях на датских монетах XI в. Но эти надписи считаются ненадежным источником. Древнейшим надежным источником по данному явлению считаются датские рукописи XIII в. Судя по этим рукописям, «ослабление» смычных происходило всего раньше в безударном положении, потом перед некоторыми согласными (*r, l, n, t, s*), причем в интервокальном положении раньше, чем в поствокальном в конце слова, и сначала — в случае заднеязычных, потом — в случае переднеязычных и наконец — в случае губных.

Судя по современному произношению, а отчасти и по некоторым написаниям (*th, dh, þ* вместо *d* и *gh* вместо *g*), смычные, образовавшиеся в результате «ослабления» *tenues*, развивались потом в щелевые. Но что касается самого «ослабления» *tenues*, то оно до сих пор обычно истолковывается как их озвончение, и звуки, образовавшиеся в результате «ослабления» *tenues*, называются, как правило, «звонкими» (или «мягкими»¹¹) смычными. Так их называют, в частности, и Брөндум-Нильсен, и Скаутруп в их цитированных выше капитальных работах. То, что историки датского языка до сих пор истолковывают «ослабление» смычных как их озвончение, хотя им не может быть неизвестно, что в датском языке нет звонких смычных и что, следовательно, в нем должно было произойти оглушение *mediae*, а вовсе не озвончение *tenues*, объясняется, конечно, господством в истории языка «буквенной» точки зрения: оглушение *mediae* не нашло никакого отражения в письме; между тем в поствокальном положении произошла смена традиционных буквенных обозначений глухих смычных (т. е. *tenues*) традиционным буквенным обозначением звонких смычных (т. е. *mediae*).

В соответствии с пониманием «ослабления» смычных как их озвончения давались и объяснения механизма «ослабления» *tenues* в датском. Так, еще Бредсдорф, незаслуженно забытый лингвист-теоретик, полемизируя в статье 1831 г. с Н. М. Петерсеном, который утверждал, что «все больший и больший переход языка к мягкости (*blödhed*) — это результат угнетенности и заботности народа, особенно простонародья» [72], объяснял «смягчение» (*blödgjörrelse*) согласных, т. е. их озвончение, «своиственным человеческой природе отвращением к напряжению», т. е. как нечто характерное для всех языков, и приводил примеры озвончения смычных из других языков [73]. Многие из предложенных позднее объяс-

¹¹ В датской традиционной грамматической терминологии «мягкий» (*blödt*) и «звонкий» (*stemt*) — это синонимы.

нений механизма датского «ослабления» *tenues* в сущности лишь развивали мысль Бредсдорфа. Так, Кок объяснял «ослабление» *tenues* в датском как озвончение в безударном положении (первоначально в двусложных словах с безударным вторым слогом) [74]; Сейп — как озвончение в наиболее слабой части ударного слога, т. е. тоже как своего рода озвончение в безударном положении [75]; Скаутруп — как непосредственный результат редукции безударных гласных, т. е. перераспределения силы ударения в слове и трудности сохранить глухой смычный на переходе от сильноударенного к безударному слогу [71, s. 228]. Как неоднократно указывалось, объяснение Скаутрупа опровергается уже тем, что очаг «ослабления» *tenues* совсем не совпадает с очагом редукции безударных гласных: в Сконе например, произошло «ослабление» *tenues*, но никакой редукции безударных гласных там не было. Ларсен тоже рассматривал «ослабление» поствокальных *tenues* как их озвончение и связывал его с усилением ударения. Но он считал, что скандинавские начальные *tenues* в результате этого усиления получили придыхание (он предполагал, что первоначально они не имели придыхания, как *tenues* в финляндско-шведском) и что это придыхание развилось всего раньше и всего сильнее в Дании [34, s. 174—182; 36, s. 44]. Таким образом, Ларсен уже понимал, что так называемое «ослабление» смычных не могло исчерпываться изменением поствокальных смычных, но должно было сопровождаться изменением начальных смычных или следовать за ним.

Между тем Сторм связывал датское «ослабление» смычных с произношением *tenues* и *mediae* в немецких диалектах [76, s. 5]. Влияние немецких диалектов предполагал и Хауген [45, p. 106]. Он, однако, указывал и на возможную фонологическую предпосылку «ослабления». «Оглушение *mediae*, — говорит Хауген, — естественно уменьшило бы фонетическую разницу между двумя рядами и повело бы к компенсационному увеличению придыхания в положениях, где система сохранялась. Но краткие поствокальные *tenues* были сперва менее придыхательными, чем остальные, и так как они с праскандинавского периода остались без оппозиции, они не изменились вместе с остальными *tenues*; и в частях ареала, наиболее подверженного немецкому влиянию, они постепенно перешли в новый класс — в (глухие) *mediae*. Таким образом, это изменение — примериностранного влияния на наиболее слабое место системы» [45, p. 106].

Но первое последовательное фонологическое толкование датского «ослабления» смычных дал Дидериксен [77]. Согласно этому толкованию, в смычных произошла смена оппозиции по голосу на оппозицию по придыханию, и эта смена была причиной того, что в положении нейтрализации (т. е. в поствокальном положении, где встречались только *tenues*) оказался немаркированный член, которым был уже не глухой (*tenuis*), а непридыхательный (*media*), в чем и заключалось «ослабление» смычных. Аналогичное толкование исландского передвижения согласных (т. е. смены глухого сильного глухим слабым в положении нейтрализации) было предложено автором настоящей статьи, которому работа Дидериксена была тогда неизвестна [78]. Это толкование было позднее распространено автором и на другие германские передвижения согласных, поскольку во всех них в результате смены корреляции в положении нейтрализации происходили те или иные фонетические изменения, определяемые тем или иным типом нейтрализации [79]. Оба последовательно фонологические толкования «ослабления» смычных восходят к фонологической теории Трубецкого, точнее — к случаям нейтрализации, описанным им в его «Основах фонологии». Согласно Трубецкому, в логически привативной нейтрализуемой оппозиции выбор члена оппозиции, выступающего в положении нейтрализации в качестве представителя архифонемы, может быть обусловлен «изнутри» и тогда этим представителем оказывается немаркированный член оппозиции [80]. Таким образом, по Трубецкому, появление немаркированного члена оппозиции в положении нейтрализации — это вовсе не диахронический

закон (таких законов Трубецкой не устанавливал), а один из случаев нейтрализации одного из типов оппозиции. Между тем в приведенных выше фонологических объяснениях «ослабления» смычных случаев, описанный Трубецким, принят за диахронический закон. Как только происходит смена корреляции и бывший маркированный член становится немаркированным, этот новый немаркированный член якобы должен в положении нейтрализации сменить старый немаркированный член. В фонологических объяснениях «ослабления» смычных несомненно верно то, что это явление было вовсе не озвончением поствокальных *tenues*, а появлением в этом положении глухих слабых, и что еще до этого начальные *mediae* должны были оглушиться, а начальные *tenues* — стать сильно придыхательными¹². Однако то, что *mediae* оглушились в начальном положении, было, конечно, не причиной появления глухих слабых в поствокальном положении, а только его предпосылкой: между оглушением *mediae* в начальном положении и «ослаблением» *tenues* в положении нейтрализации могло протечь любое количество времени, и само это «ослабление» *tenues* могло и вовсе не произойти, несмотря на то, что начальные *mediae* стали глухими слабыми, как оно не произошло, например, на севере и востоке Исландии.

Буквенный переход $p > b, t > d, k > g$ в поствокальном положении представлен в несколько более поздних памятниках кое-где и вне Дании. В Норвегии он представлен в памятниках с XIV в. [83, 84]. Высказывалось предположение, что в западной Норвегии «ослабление» смычных было представлено раньше более широко, чем в современных диалектах [85, 86]. В Исландии переход $p > b, t > d, k > g$ представлен только в неграмотном написании и не раньше конца XVIII в. [48, bls. 234]. Однако Хегста приводит случаи этого перехода в Исландии от 1464 г. [87].

4. Реконструкция

Как же из всех этих данных, исторических и современных, реконструировать праязыковое состояние скандинавских *tenues* и *mediae* и их историю? По-видимому, черты, общие для всех родственных языков, должны возводиться к их праязыку, если нет данных о том, что произошли такие общие для всех этих языков изменения, которые могли обусловить данные черты. Поэтому праскандинавскому (а вероятно, и прагерманскому) следует считать свойственным то, что до сих пор свойственно всему (или почти всему) скандинавскому ареалу, поскольку нет никаких данных, которые могли бы быть истолкованы как свидетельство того, что эти общескандинавские черты явились результатом каких-то изменений, происшедших в скандинавских языках. Таким образом, праскандинавскому следует считать свойственными, во-первых, нейтрализацию различия *tenues* и *mediae* после /s/, во-вторых, то, что различие *tenues* и *mediae* в начале ударного слога было не таким, как в других положениях, и, в-третьих, что *tenues* всегда отличались от *mediae* не каким-то одним свойством, а их сочетанием. Вероятно, всего ближе к праязыковому состоянию те сочетания этих свойств, которые и сейчас характерны для большей части скандинавского ареала, т. е. почти всей Швеции и большей части Норвегии. Однако необходимо предположить, что в некоторых положениях *tenues* и *mediae* различались также как смычные и шелевые. Таким образом, всего вероятнее, что различие между *tenues* и *mediae* заключалось в том, что в начале ударного слога *tenues* были сильными, придыхательными и глухими, а *mediae* — слабыми, звонкими или полувзвонкими, тогда как в других положениях *tenues* были сильными, глухими и всегда смычными, а *me-*

¹² Курилович в своем объяснении германских передвижений согласных тоже констатирует, что в датском языке произошло не озвончение *tenues*, а оглушение *mediae* [81], но это, по-видимому, единственное, что не может быть опровергнуто в его крайне натянутом объяснении передвижений согласных (ср. [82], где критикуется статья Куриловича).

diae — слабыми, звонкими и в ряде случаев щелевыми (а именно — после гласных и /r/, а губной и заднеязычный mediae — и после /l/) [65, p. 41]. Кроме того, в середине слова существовало также различие по долготе, и долгота смычных была свойством отдельных фонем, а не слога, поскольку ее зависимость от структуры слога — явно результат крупных количественных сдвигов, происшедших по всей Скандинавии и прослеживаемых по письменным памятникам.

Звонкость mediae в праскандинавском подтверждается переходами /b/ > /β/ и /d/ > /ð/ (ср. написания *gaf* и *bariutiþ* в рунической надписи VII в.), т. е. отнесением глухих аллофонов mediae в результате праскандинавского оглушения конечных mediae к другим фонемам и, следовательно, невозможностью глухости mediae. Ср. также др.-исл. *lá* < **lah* < **lag*, *á* < **aih* < **aig* и т. п.

С распространением понимания фонемы как цучка различительных признаков обычным стало истолкование германских *tenues* и *mediae* как просто «глухих» и «звонких» или просто «напряженных» и «ненапряженных» и т. п., т. е. обозначения их названиями, такими же условными, как «*tenues*» и «*mediae*» или буквы *p, t, k* и *b, d, g*. Толкование германских *mediae* как смычных или как щелевых во всех положениях — а оно не изжито до сих пор — тоже проявление такой буквенной точки зрения. Та же точка зрения проявлялась, в сущности, и в споре о том, были ли германские *tenues* придыхательными или «чистыми» *tenues*¹³. Шерер первый указал на то, что они скорее всего были придыхательными только в начале слова, но не в поствокальном положении [89]. Это положение развил Линдрот, обосновав его главным образом данными современных германских языков [91]. Разная трактовка древнескандинавских начальных и поствокальных *tenues* в ирландских заимствованиях (они передавались в начале слова буквами *p, t, k*, а после гласного буквами *b, d, g*) тоже скорее всего свидетельствует о том, что скандинавские *tenues* в начале слова были придыхательными [91, s. 273; 92]. Отсутствие придыхания в финляндско-шведском и эстонско-шведском обычно объясняется влиянием финского и эстонского языков (в которых смычные всегда непридыхательные [6, s. 46; 9, s. 30]), точно так же, как его отсутствие в голландском — романским влиянием (см., например, [76, s. 16]), поскольку в романских языках смычные тоже всегда непридыхательные. Невозможно усмотреть никаких доводов в пользу предположения, что придыхание появилось у скандинавских начальных *tenues* только в историческое время и что в финляндско-шведском и эстонско-шведском сохранилось первоначальное положение вещей¹⁴.

Сочетания придыхательности, силы и глухости в начальных *tenues* или непридыхательности, слабости и звонкости в начальных *mediae*, так же как сочетания силы, глухости и смычности в поствокальных *tenues* или слабости, звонкости и щелевости в поствокальных *mediae* не были, конечно, как явствует из современного фонетического материала, сочетаниями каких-то дискретных элементов, или так называемых «различительных признаков». Скорее эти сочетания были слитными комплексами, в которых ни один из их элементов не был ведущим. Естественно, поэтому, что соотношение между элементами этих компонентов могло меняться, и, по-видимому, именно такая структура различия *tenues* и *mediae* и была основной предпосылкой и необходимым условием передвижения соглас-

¹³ Обзор литературы по этому вопросу см. [88].

¹⁴ Такое предположение было высказано в работе Бергтсена и Ларсена [34, s. 177], где говорится, что *tenues* в начале ударного слога «остались почти без придыхания в финляндско-шведском и в одной единственной норвежской долине, захолустном Йостедале в Согне, в несколько старомодном языке, а по всей остальной Скандинавии наверно уже рано в историческое время получили более или менее сильное придыхание». Критика этого предположения есть в работе Линдрота [90, s. 234].

ных¹⁵. Однако нельзя сказать, что она была его причиной, так как она могла оставаться и более или менее неизменной, как это имело место на большей части скандинавского ареала.

Таким образом, передвижение согласных было в Скандинавии (как, вероятно, и в германских языках вообще) перераспределением элементов различия между *tenues* и *mediae* при сохранении самой структуры этого различия. Это перераспределение едва ли было скачкообразным. Вместе с тем, однако, оно, вероятно, не образовывало и абсолютного континуума. Этапы и механизм изменения структуры различия *tenues* и *mediae* хорошо видны в описаниях переходных зон между так называемыми «сильным» и «слабым» произношением в Исландии [48]. Из этих описаний видно, что смежные реализации *tenues*, т. е. реализации, которые в диахронии должны были следовать непосредственно друг за другом, не переходят постепенно одна в другую, а становятся менее или более распространенными за счет друг друга.

Общескандинавским изменением в структуре различия между *tenues* и *mediae* и тем самым общескандинавским моментом в скандинавском передвижении согласных был отход звонких щелевых аллофонов /b/ и /d/ в фонемы /f/ и /f̥/, которые были щелевыми во всех положениях, но глухими или (в звонком окружении) звонкими. Это изменение было в свою очередь результатом озвончения срединных и конечных /f/ и /f̥/, или дефонологизации звонкости в этих фонемах, т. е. изменения, которое датируется VIII в. [65, р. 11]. Таким образом, щелевость исчезла из структуры различия *tenues* и *mediae*, кроме, впрочем, велярного ряда, где она сохранилась в поствокальном положении, а также после /l/ и /r/ (щелевой аллофон велярного *media* не мог отойти в соответствующую щелевую фонему, т. к. велярный глухой щелевой еще раньше стал фарингальным и всюду, кроме начала слова, исчез). Отход звонких щелевых аллофонов *mediae* в другие фонемы имел то важное для дальнейшей судьбы *tenues* и *mediae* последствие, что в большинстве положений в середине слова остались только *tenues* и что, таким образом, различие между *tenues* и *mediae* оказалось нейтрализованным во всех этих положениях в пользу *tenues* (велярный ряд и в этом случае оказался в особом положении).

Высказывалось предположение, что дефонологизация звонкости в щелевых была причиной дефонологизации звонкости в смычных, или того оглушения *mediae*, которое должно было произойти всюду, где *mediae* и сейчас представлены как глухие слабые (т. е. в Дании, Исландии, на Фарерских островах, кое-где в Норвегии) [77, S. 166; 78, с. 218—219]. Очевидно, однако, что дефонологизация звонкости в щелевых могла быть разве что одной из предпосылок дефонологизации звонкости в смычных (хотя и это сомнительно), но никак не ее причиной, поскольку в щелевых дефонологизация произошла на всем скандинавском ареале, тогда как в смычных она произошла только на части этого ареала. Дефонологизация звонкости в смычных могла произойти и до ее дефонологизации в щелевых.

На скандинавском ареале глухость *mediae*, или отсутствие различия по звонкости между *tenues* и *mediae*, как правило, сочетается с наличием сильного придыхания у *tenues*, т. е. различием *tenues* и *mediae* по придыхательности. Отсюда можно заключить, что оглушение *mediae* и усиление придыхания у *tenues* шли параллельно и были единым процессом вытеснения голоса придыханием в структуре различия *tenues* и *mediae*. Этот процесс был несомненно основным и самым существенным моментом в скандинавском передвижении согласных. Однако он никогда не находил никакого отражения в письме. Поэтому датировать этот процесс очень трудно, тем более, что он мог растянуться на столетия.

¹⁵ М. В. Раевский в своей диссертации говорит, между прочим, что такой «сплав корреляций» (выражение Трубецкого [80, с. 183]) «был как бы материальной предпосылкой и основой для смены корреляции» [93].

Как уже было сказано выше, так называемое «ослабление» смычных, т. е. мена поствокальных *tenues* на *mediae*, должно было иметь своей предпосылкой оглушение *mediae* (и одновременное усиление придыхания у *tenues*). Другими словами, «ослабление» поствокальных *tenues* должно было следовать за оглушением *mediae*, быть его *terminus ad quem*. Этим, однако, еще не решается вопрос о датировке оглушения *mediae*. Этот процесс мог происходить не непосредственно перед «ослаблением» поствокальных *tenues*, а задолго до него. Кроме того, «ослабление» поствокальных *tenues* происходило, по-видимому, не одновременно на всей той части скандинавского ареала, где оно реально произошло. Древнейшие его отражения в письменности относятся, как уже было сказано, в Дании к XIII в., в Норвегии — к XIV в., а в Исландии — к XVIII в. Следовательно, для того, чтобы датировать оглушение *mediae*, надо, во-первых, определить время, раньше которого оно не могло произойти, т. е. найти его *terminus a quo*, а, во-вторых, решить, произошло ли оно в разных частях Скандинавии в разное время и было, следовательно, рядом параллельных, но независимых друг от друга процессов, или оно было единым процессом, распространившимся из одного очага.

Что касается *terminus a quo* оглушения *mediae*, то им, по-видимому, было общескандинавское оглушение *mediae* в конце слова. Как убедительно показывает Моултон, это оглушение должно было закончиться к концу VII в. [65, p. 9—10]. Пока действовало общескандинавское оглушение *mediae* в конце слова, глухие аллофоны *mediae* отходили в другие фонемы, как ясно из рунического *gaf* < */gab/ или древнеисландского *batt* < */band/ и т. п., и, следовательно, глухость была невозможна в *mediae*. Правда, доказуемо только, что она была невозможна в конечном положении. В начальном положении она могла стать возможной раньше.

Что касается вопроса об очаге оглушения *mediae* (и одновременного усиления придыхания у *tenues*), то распространение этого явления на скандинавском ареале заставляет полагать, что очагом его скорее всего были датские острова, откуда оно распространилось на всю Данию, в том числе и юг Швеции (который до XVII в. входил в состав Дании), и юго-западную Норвегию, а оттуда на острова, заселенные выходцами из Норвегии, т. е. Исландию, а также Шеллендские, Оркнейские и Фарерские острова. Но в таком случае, поскольку эти острова были заселены только в эпоху викингов, эту эпоху, а не «ослабление» поствокальных *tenues*, следует считать *terminus ad quem* оглушения *mediae*.

Именно такое распространение для скандинавских глухих *mediae* предполагал Марстрандер [91, s. 288]. Он, в частности, объясняет наличие глухих *mediae* в шотландско-гельском норвежском субстрате, образовавшемся на севере Шотландии в эпоху викингов [91, s. 287]. Правда, говоря о глухих *mediae* в скандинавских языках, Марстрандер как будто имел в виду только результат «ослабления» поствокальных *tenues*, т. е. их превращение в глухие *mediae*, а не предпосылку этого явления — скандинавское оглушение *mediae*. Марстрандер объяснял норвежским субстратом и некоторые другие явления в шотландско-гельском, а именно — преаспирацию и оглушение плавных перед *tenues*. Развивая одно из предположений Марстрандера [93, s. 290], Кристиансен объясняла наличие глухих *mediae* в некоторых диалектах Трэнделага и Хельгеланна (т. е. островов, не связанных с областью распространения глухих *mediae* в Скандинавии) переселением, которое, согласно археологическим данным, имело место в районе этих диалектов из юго-западной Норвегии в эпоху переселения народов (V—VII вв.) [24]. Правда, и Кристиансен, говоря о глухих *mediae*, как будто имеет в виду поствокальное, а не начальное положение, т. е. «ослабление» поствокальных *tenues*, а не оглушение *mediae*.

Марстрандер считал, что «ослабление» *tenues* началось еще в эпоху переселения народов или во всяком случае до заселения островов к запа-

ду от Норвегии, т. е. до эпохи викингов [91, s. 288—289]. Так же считала и Кристиансен [24, s. 17]. Но поскольку они вообще игнорировали оглушение *mediae* как предпосылку «ослабления» *tenues*, т. е. как бы не отличали второе из этих явлений от первого, они датировали, в сущности, не «ослабление» *tenues* (которое датируется по его письменным отражениям значительно более поздней эпохой), а именно оглушение *mediae*, и такая датировка этого явления всего лучше вяжется с фактами распространения глухих *mediae* в Скандинавии.

Прямых свидетельств того, что глухие *mediae* были исконны в Исландии, нет. Однако есть свидетельства древности в Исландии некоторых явлений, которые должны были иметь своей предпосылкой оглушение *mediae*. Такими явлениями были переходы /rn/ > /dn/, /nn/ > /dn/, /ll/ > /dl/ и /fl/ > /dl/, поскольку все эти переходы подразумевают задержку в артикуляции, сопровождающей смычку, аналогичную задержке в действии голосовых связок, подразумеваемой глухими *mediae* и сильно придыхательными *tenues*. Вместе с тем наличие преаспирации в исландском подразумевает уже осуществившиеся переходы /rn/ > /dn/ и /ll/ > /dl/, поскольку сочетания /dn dl/, появившиеся в результате этих переходов, не слились с сочетаниями /hdn hdl/, которые были результатом появления преаспирации¹⁶.

Оглушение *mediae* было не только важнейшим этапом скандинавского передвижения согласных, но и древнейшей диалектальной чертой, развивавшейся на скандинавском ареале. Марстрандер ошибался, конечно, считая такой древнейшей чертой «ослабление» *tenues* [91, s. 289]. «Ослабление» *tenues*, которое протекало по-разному в разных диалектах, привело к дальнейшему диалектальному дроблению скандинавского ареала и было последним этапом скандинавского передвижения согласных. И то, что «ослабление» *tenues* протекало по-разному на скандинавском ареале, подтверждает, как справедливо было замечено [96], параллельность развития и исключает возможность объяснения этого развития влиянием адстрата. Уже поэтому возникновение глухих *mediae* в Скандинавии под немецким влиянием (ср. приведенные выше предположения Сторма и Хаугена) представляется исключенным.

На юге и западе Исландии «ослабление» *tenues* заключалось в том, что после гласных и сонорных они стали слабыми, оставшись глухими и непридыхательными. На востоке и севере Исландии *tenues* в этом положении стали придыхательными, оставшись глухими и сильными, т. е. «ослабления» поствокальных смычных там не произошло. Между тем долгие *tenues* всюду в Исландии стали преаспирированными краткими. Ни одно из этих изменений не нашло отражения в орфографии.

Кое-где на юго-западе Норвегии (в западной части «мягкой береговой полосы») *tenues* изменились точно так же, как на юге и западе Исландии, и это, конечно, невозможно объяснить иначе, чем параллельным развитием с общих исходных позиций [94]. Но кое-где на юго-западе Норвегии (на восточной окраине «мягкой береговой полосы») и на всем юге Швеции в поствокальном положении, — хотя и *mediae*, но звонкие, а не глухие. Всего вероятнее, что они результат озвончения, позднейшего по сравнению с «ослаблением» смычных: глухие *mediae*, появившиеся в поствокальном положении в результате «ослабления» смычных, были вытеснены звонкими *mediae*, характерными для остальной Швеции и Норвегии и обычными в шведском и норвежском языках.

Самые крупные изменения претерпели поствокальные *tenues* в Дании, и эти изменения начали находить отражение в письменности еще в XIII в. Возможно, что поствокальные *tenues* здесь сначала стали слабыми, оставаясь глухими непридыхательными смычными, как в Исландии и других

¹⁶ Подробнее об этом см. [94], где доказывается, что все эти явления были результатом не норвежского влияния (как утверждал Чепмен [29]), а параллельного развития с тех же исходных позиций.

районах «ослабления» *tenues*. Вокализация старых звонких щелевых, их превращение в сонанты [w] и [j] или полное исчезновение сделали возможным появление звонких щелевых аллофонов у поствокальных слабых смычных, т. е. дальнейшее «ослабление» этих смычных. Таким образом, щелевость снова стала характерна для поствокальных *mediae*. В разных диалектах это «ослабление» произошло по-разному. На месте губного смычного появились [b], [w] [v] или [f], на месте переднеязычного — [ð], [r], [j] или [γ], на месте заднеязычного — [ɣ], [w], [j] или [χ]. В некоторых случаях поствокальный *media* совсем исчез (например, переднеязычный в фюнском диалекте).

Этапом скандинавского передвижения согласных следует считать и то, что в результате крупных количественных сдвигов, происшедших во всей Скандинавии (всего раньше в Дании, в основном — в XIII в. [71, с. 235—238], всего позднее в Исландии, в основном — в XVI в. [97]), долгота перестала быть свойством отдельных смычных фонем и стала свойством слога, поскольку долгие смычные (или геминаты) стали возможны только после кратких гласных, а краткие — только после долгих гласных. Но в Дании это положение вещей не сохранилось: по-видимому, параллельно с «ослаблением» смычных там произошло сокращение всех долгих смычных, как *tenues*, так и *mediae*, и бывшие долгие *tenues*, как правило, стали такими же слабыми глухими непридыхательными, как и бывшие долгие *mediae*. Таким образом, смычные снова появились в поствокальном положении. Как уже было сказано выше, хотя речь идет о смычных непридыхательных и слабых, они все же, по-видимому, представляют собой реализации *tenues*, тогда как звонкие щелевые — реализации *mediae*. Вместе с тем, в начальном положении у одного из *tenues* (переднеязычного) развилась аффрицированность.

Таким образом, нигде в Скандинавии передвижение согласных, т. е. фронтальное изменение *tenues* и *mediae*, не привело к возникновению нового ряда фонем. Но на его последнем этапе, «ослаблении» смычных в поствокальном положении, *mediae* стали на место *tenues* в этом положении. Всюду, однако, сохранилась общая структура различия между *tenues* и *mediae*: в начале ударного слога это различие не такое, как в других положениях, и оно всегда — сочетание из нескольких недискретных элементов. Передвижение смычных состояло в том, что менялось соотношение между этими элементами, причем в разных положениях — по-разному.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Elert Cl.-Chr.* Bidrag till en fonematisk beskrivning av svenska.— Arkiv för nordisk filologi, 1957, b. 72, s. 52.
2. *Якобсон Р., Фант Г. М., Халле М.* Введение в анализ речи.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 2. Л., 1962.
3. *Moulton W. G.* Opportunities in dialectology.— In: *The Nordic languages and modern linguistics.* Reykjavík, 1970.
4. *Варонькова Г. В., Стеблин-Каменский М. И.* Фонема — пучок РП? — ВЯ, 1970, № 6.
5. *Dannel G.* Svensk ljudlära. Stockholm, 1966.
6. *Wessén E.* Våra folkmål. Malmö, 1958.
7. *Malmberg B.* Svensk fonetik. Lund, 1956.
8. *Lagman H.* Svensk-estnisk språkkontakt. Studier över estniskans inflytande på de estlandssvenska dialekterna. Stockholm, 1971.
9. *Dannel G.* Nuckömmålet. 1. Inledning och ljudlära. Stockholm, 1905.
10. *Andersen P.* Dansk fonetik.— In: *Nordisk lærebog for talepædagoger.* København, 1961.
11. *Noreen A.* Vårt språk. B. 1. Lund, 1903—1907, s. 402.
12. *Lyttkens I. A., Wulff F. A.* Svenska språkets ljudlära och beteckningslära. Lund, 1885, s. 267.
13. *Lundell J. A.* Det svenska landsmålsalfabetet tillika en öfversikt af språkljudens förekomst inom svenska mål.— Nyare bidrag till kännedom om svenska landsmål och svenskt folkliv. B. I. 1879.
14. *Vanvik A.* Norsk fonetikk. Oslo, 1979, s. 23—32.

15. *Popperwell R. G.* The pronunciation of Norwegian. Cambridge — Oslo, 1963, p. 44—50.
16. *Borgstrøm C. Hj.* Innføring i spogvidenskap. Oslo, 1958, s. 22, 27.
17. *Broch O., Selmer E. W.* Håndbok i elementær fonetikk. Oslo, 1930, s. 77—78, 87, 32—33.
18. *Storm G.* Englische Philologie. Bd. 1. Leipzig, 1892, S. 116.
19. *Storm G.* Norsk Lydskrift med Omrids af Fonetiken.— Norvegia, b. 1. Kristiania, 1884.
20. *Western A.* Kurze Darstellung des norwegischen Lautsystems.— In: Phonetische Studien. Bd. 2. Marburg, 1889, S. 268.
21. *Benson S.* Südschwedischer Sprachatlas. Bd. 2. Lund, 1967, S. 5.
22. *Brøndum-Nielsen J.* Dialekter og dialektforskning. København, 1951.
23. *Ariste P.* Smärre estlandssvenske bidrag.— In: Akad. rootsieesti seltsi aastaraamatust, 1935, s. 39—40.
24. *Christiansen H.* Folkeekspansjonen fra Sørvest-Norge til Nord-Norge i prehistorisk tid.— Norsk tidsskrift for sprogvidenskap, 1967, b. 21.
25. *Christiansen H.* Norske dialekter. B. 2. Oslo, 1948, s. 182.
26. *Ross H.* Norske bygdemål.— Skrifter udg. af videnskabselskabet i Christiania, 1905, 2 kl., b. 2. Christiania, 1906, s. 17—18.
27. *Larsen A. B.* Oversigtskort over visse dialektfænomeners udbredelse i Kristianssands stift.— Forhandlinger i det norske videnskabs-selskabet i Christiania, 1892, b. 9, Christiania, 1893, s. 7.
28. *Larsen A. B.* Oversigt over de norske bygdemål. Oslo, 1948, s. 63, 68.
29. *Chapman K. G.* Icelandic-Norwegian linguistic relationships. Oslo, 1962.
30. *Rikshheim V.* Ljodvoksteren i Vefsnmålet (Ner-Vefsn). Kristiania, 1921, s. 42, 45, 56.
31. *Larsen A. B.* Selbumålets lydære.— Norvegia, b. 2. Kristiania, 1908, s. 83.
32. *Oftedal M.* Jærskje okklusiver.— Norsk tidsskrift for sprogvidenskap, 1947, b. 14.
33. *Selmer E. W.* Om Stavangermålets «hårde» og «bløte» klusiler.— Opuscula phonetica Instituti Phonetici Universitatis Regiae Fredericianae. V. 5. Kristiania, 1924.
34. *Berntsen M., Larsen A. B.* Stavanger bymål. Oslo, 1925, s. 176.
35. *Larsen A. B.* Sognemålene, I. Kristiania, 1922, s. III, 59.
36. *Larsen A. B.* Om «bløde» og «hårde» konsonanter in norsk.— In: Sproglige og historiske Afhandlinger viede S. Bugges Minde. Kristiania, 1908.
37. *Pétursson M.* Drög að almennri og íslenskri hljóðfræði. Reykjavík, 1976, bls. 33—35.
38. *Böðvarsson A.* Hljóðfræði. Reykjavík, 1953.
39. *Einarsson S.* Icelandic. Baltimore, 1949.
40. *Kress B.* Die Laute des modernen Isländischen. Leipzig, 1937.
41. *Pétursson M.* Drög að hljóðkerfisfræði. Reykjavík, 1978, bls. 72—73.
42. *Стеблян-Каменицкий М. И.* Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1979, с. 90—107.
43. *Malone K.* Studies in heroic legend and current speech. Copenhagen, 1959, p. 268—282.
44. *Haugen E.* The phonemics of modern Icelandic.— Language, 1958, v. 34, p. 55—88.
45. *Haugen E.* On the consonant pattern of Modern Icelandic.— Acta linguistica, 1941, v. 2, № 2.
46. *Bothorel-Witz A., Pétursson M.* La nature des traits de tension, de sonorité et d'aspiration dans le système des occlusives de l'allemand et de l'islandais.— Travaux de l'Institut de phonétique de Strasbourg, 1972, № 4.
47. *Einarsson S.* Beiträge zur Phonetik der isländischen Sprache. Oslo, 1927.
48. *Guðfinnsson B.* Mállyzkur, I. Reykjavík, 1946.
49. *Rischel J.* Om retskrivningen og udtalen i moderne færøsk.— In: *Jacobsen M. A., Matras Chr.* Føroysk-donsk orðabók. Tórshavn, 1961, s. XIII—XXXVI.
50. *Lockwood W. B.* An introduction to modern Faroese. København, 1955.
51. *Werner O.* Erforschung der färingischen Sprache. Ein Bericht über Stand und Aufgaben.— Orbis, 1964, № 2.
52. *Skårup P.* Om analysen af det færøske udtrykssystem.— Acta philologica Scandinavica, 1960, b. 25, № 1.
53. *Bjerrum M.* Fosøg til en analyse af det færøske udtrykssystem.— Acta philologica Scandinavica, 1960, b. 25, № 1.
54. *Скорун П.* Состав согласных фарерского языка.— Вестник ЛГУ, 1959, вып. 1, № 2.
55. *Bjerrum M.* An outline of the Faroic vowel system.— Travaux du Cercle linguistique de Copenhagen, 1959, v. 5.
56. *Jacobsen J.* Det norrøne sprog på Shetland. København, 1897, s. 137—139.
57. *Fischer-Jørgensen E.* Les occlusives françaises et danoises d'un sujet bilingue.— Word, 1968, v. 24.
58. *Fischer-Jørgensen E.* Acoustic analysis of stop consonants.— In: Readings in acoustic phonetics. Cambridge (Mass.) — London, 1967.
59. *Hjelmstev L.* Almindelig fonetik.— In: Nordisk lærebog for talepædagoger. København, 1961, s. 249—260.
60. *Andersen P.* Dansk fonetik.— In: Nordisk lærebog for talepædagoger. København, 1961.

61. *Jespersen O.* Modersmålets fonetik. København, 1961, s. 71—74.
62. *Martinet A.* La phonologie du mot en danois.— BSLP, 1937, v. 38, № 2.
63. *Uldall H. J.* The phonematics of Danish.— In: Proceedings of the 2-nd International congress of phonetic sciences, London, 1935. Cambridge, 1936, p. 54.
64. *Bennike V., Kristensen M.* Kort over danske folkemål med forklaringer. København, 1898—1912.
65. *Moulton W. G.* The stops and spirants of early Germanic.— Language, 1954, v. 30, № 1.
66. *Noreen A.* Altisländische und altnorwegische Grammatik. Halle, 1923, S. 168.
67. *Skard V.* Norsk språkhistorie. B. 1. Oslo, 1967, s. 40.
68. *Trnka B.* Phonological remarks concerning the Scandinavian runic writing.— TCLP, 1939, v. 8, p. 3—7.
69. *Haugen E.* On the parsimony of the younger futhark.— In: Festschrift für K. Reichardt. Bern und München, 1969, p. 51—58.
70. *Brøndum-Nielsen J.* Gammeldansk grammatik i sproghistorisk fremstilling. B. 2. København, 1957, s. 76—96.
71. *Skautrup P.* Det danske sprogs historie. B. 1. København, 1944.
72. *Petersen N. M.* Det danske, norske og svenske Sprogs Historie. B. 1. København, 1829, s. 227.
73. *Bredsdorff J. H.* Udvalgte Afhandlinger. København, 1833, s. 36.
74. *Kock A.* Sprakhistoriska undersökningar om svensk akcent. B. 1. Lund, 1872, s. 117—121.
75. *Seip D. A.* Studier i norsk språkhistorie. Oslo, 1934, s. 186—191.
76. *Storm J.* Om Nabosprog og Grænsedialekter.— Skrifter utg. av Videnskaps-selskapet i Kristiania, 2 kl., 1911, b. 4, Kristiania, 1912.
77. *Diderichsen P.* Probleme der altdänischen Orthographie.— Acta philologica Scandinavica, 1937—1938, b. 12.
78. *Стеблин-Каменский М. И.* Исландское передвижение согласных.— Скандинавский сборник, т. 2, 1957.
79. *Стеблин-Каменский М. И.* Сущность германских передвижений согласных.— Вестник ЛГУ, 1961, № 20, сер. истории, языка и литературы, вып. 4.
80. *Трубейской Н. С.* Основы фонологии. М., 1960, с. 90.
81. *Kuryłowicz J.* Le sens des mutations consonantiques.— Lingua, 1947, № 1, p. 77—85.
82. *Buysse E.* Les mutations consonantiques vues par Kuryłowicz.— Lingua, 1958, № 4, p. 421—427.
83. *Seip D. A.* Norsk språkhistorie til omkring 1370. Oslo, 1955, s. 297.
84. *Hægstad M.* Vestnorske maalføre fyre 1350, 2, 1.— Skrifter utg. av videnskaps-selskapet i Kristiania, 1914, 2 kl. Kristiania, 1915, s. 58.
85. *Sørli M.* Færøysk tradisjon i norrønt mål.— Avhandlinger utg. av et Norske videnskaps-akademi i Oslo, 1936, 2 kl., b. 1., Oslo, 1937, s. 82.
86. *Hægstad M.* Vestnorske maalføre fyre 1350, 2, 2, 1.— Skrifter utg. av videnskaps-selskapet i Kristiania, 1915, 2 kl., b. 3, Kristiania, 1916, s. 128.
87. *Hægstad M.* Vestnorske målføre fyre 1350, 2, 2, 3.— Skrifter utg. av det Norske videnskaps-akademi i Oslo, 1941, 2 kl., b. 1, Oslo, 1942, s. 110.
88. *Abrahams H.* Études phonétiques sur les tendances évolutives des occlusives germaniques. Aarhus, 1949.
89. *Scherer W.* Geschichte der deutschen Sprache. Berlin, 1868, S. 65—66.
90. *Lindroth Hj.* Några anmärkningar om tenues i urgermanskan.— In: Festschrift til Hj. Falk. Oslo, 1927.
91. *Marstrander K. J.* Okklusiver og substrater.— Norsk tidsskrift for sprogvidenskap 1932, b. 5.
92. *Sommerfelt A.* Sur le système consonantique du celtique.— In: Mélanges linguistiques offerts à M. J. Vendryès. Paris, 1925, p. 343—344.
93. *Раевский М. В.* Верхненемецкое передвижение согласных в его причинно-следственных связях: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Л. 1969, с. 3.
94. *Стеблин-Каменский М. И.* Исландско-норвежские изменения согласных.— В кн.: *Стеблин-Каменский М. И.* Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966, с. 115—125.
95. *Benediktsson Hr.* Islandsk språk.— In: Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid. B. 7. Malmö, 1962, s. 491.
96. *Skomedal T.* Diachronische Phonologie und Abstrat.— In: The Nordic languages and modern linguistics. Reykjavík, 1970.
97. *[Þórólfsson B. K.]* Kvantitetssomvæltningen i islandisk.— Arkiv för nordisk filologi, b. 45, 1929.